

Николай Романецкий

Бегство из Одержания

*Часть сборника
Время учеников – 3*

Николай Романецкий
Бегство из Одержания

«Автор»

2000

Романецкий Н. М.

Бегство из Одержания / Н. М. Романецкий — «Автор», 2000

Мир «Улитки на склоне». Нава, жена Кандида, стала Славной Подругой. Но так и осталась женой Кандида, со всеми присущими женщине слабостями. Пришлось искать выход из безвыходной ситуации...

© Романецкий Н. М., 2000

© Автор, 2000

Николай Романецкий

Бегство из Одержания

*Какое мне дело до их прогресса,
это не мой прогресс...*

А. и Б. Стругацкие «Улитка на склоне»

На этот раз Созидалище оказалось похожим на старинное зеркало с потускневшим, но еще прочным покрытием. А лес вокруг – будто потрескавшаяся рама. С облупившимся лаком...

Откуда пришло такое сравнение, Нава не знала – в ее жизни никогда не было ни одного зеркала. Тем не менее слово возникло в памяти. И не только слово... Следом явился образ: девушка увидела перед собой собственное лицо, столь же отчетливо, как прыгуна в пяти шагах слева. Прыгун был спокоен – дерево и дерево. И небо выглядело обычным, серо-непроницаемым, занавесившимся плотными тучами, ни малейших признаков того, что за ним прячется солнце.

А потом над Созидалищем начал сгущаться туман, и Нава поняла, что пора. Скинув хламиду, осторожно, утиным шагом, начала спускаться к блестящей субстанции. Сначала теплого и ласкового коснулись ступни, потом щиколотки, колени, бедра... Едва погрузился сразу ставший невесомым живот, Нава почувствовала, как дочь толкнулась изнутри, да так, что обмерло сердце.

В поясице сразу возникла ноющая боль. Ступни сами собой оторвались от илистого дна, и Навино тело улеглось на поверхности озера.

Туман продолжал сгущаться, скрыл недалекий берег. Рядом раздался негромкий плеск – это приблизилась Кормилица.

Дочь шевелилась все энергичнее. Навины бедра расступились, освобождая дорогу той, кому пришло время покинуть материнскую обитель. Ноющий таз погрузился в животворное тепло, готовое принять младенца в свои объятия.

И тут Наве стало страшно – проснулся древний инстинкт, с которым в одиночку не могла справиться даже Славная подруга.

– Вдохни и тужься, – сказала Кормилица. – Во славу демиургу!

Ее торс прорисовался сквозь туман. Полные груди плавали на поверхности Созидалища, будто невиданные белые рыбы. Молока в них хватило бы на пятерых.

От Кормилицы мягким ветерком потянулся импульс желания помочь. Животворное тепло усилило его до жажды, потом до полновесной страсти.

Страх тут же исчез, сменился сначала спокойствием, потом слиянием.

Нава глубоко вздохнула, коснулась ладонями напряженного живота и принялась тужиться. Сразу же новая волна схваток, неведомой еще силы, обрушилась на ее тело. И Нава не выдержала – закричала.

* * *

В самый первый раз сравнить озеро с зеркалом Наве бы и в голову не пришло. Она словно бы спала, но все видела и замечала. Ведь в лесу нельзя иначе. Мама держала ее за руку, Наве оставалось только ноги переставлять. Она знала, что Молчун идет следом, и ей было совершенно не страшно. В случае чего он поколотит палкой толстую, которую Нава обозвала старухой, да и мама поможет, потому что это мама, хоть она сегодня и злая от жары, а то что Наве показалось, будто мама с толстой заодно, так это просто показалось, мало ли что может

показаться, когда не то спишь, не то не спишь, жаль только, что никак не повернуть голову и еще раз не сказать Молчуну, чтобы он не уходил, ведь он ее муж и должен защищать ее – хоть от воров, хоть от мертвяков, хоть от толстой толстухи...

Раздавались какие-то голоса, и, кажется, один из них принадлежал Молчуну, а другой – толстой, но Нава ни слова не понимала. Потом сон словно бы отпустил ее, и она сумела обернуться и сказать, чтобы муж не уходил. Рядом с Молчуном стоял новенький мертвяк, но тут, похоже, его бояться не стоило.

Маме и толстухе Навины слова не понравились, ее попросту поволокли в тростники, и это уже не понравилось Наве. Однако она чувствовала, что сопротивляться бесполезно, и лишь попросила, чтобы Молчун без нее не уходил. Пусть он ей не муж, раз этим не нравится, но она-то все равно его жена, выходила его, и он должен ее дожидаться, даже Кулак бы дождался, а уж про Колченога и говорить нечего...

Тростники обступили со всех сторон, Молчуна с мертвяком стало не видно. А потом откуда-то появилась толстая.

– Снимай свою рухлядь, – сказала она, – и марш в воду.

Нава поняла, что женщина назвала рухлядью ее, Навину, одежду. И это ей тоже не понравилось.

– Сама ты рухлядь, толстая ты старуха, что ты цепляешься, как фиолетовая колючка, я с тобой и разговаривать не собираюсь, я с мамой разговариваю, а тебя бродилом полить...

Толстая вдруг расхохоталась:

– Боевая у тебя девчонка, милая моя. Славная получится подруга...

Похоже, это были первые слова толстой, которые обрадовали маму, потому что она тоже улыбнулась. Однако Наве толстая по-прежнему не нравилась...

– Сама ты славная подруга, у тебя, наверное, ни дома не было, ни мужа, потому ты такая толстая и злая, и я слушать тебя не буду, я маму буду слушать, хоть ей Молчун и не понравился, но это от жары...

– Снимай одежду, – сказала мама.

Ее Нава послушалась.

Одежду мама бросила на землю. Нава хотела подобрать, потому что одежду просто так на землю не бросают, ее надо разрезать и посадить, только тогда вырастет новая...

– Оставь! – Мама взяла Наву за руку. – Идем!

Они вошли в озеро, сделали несколько шагов, пока вода не дошла Наве до пояса.

– Ложись! Во славу демиургу!

Нава легла. И поняла: вокруг не вода. Потому что вода не бывает такой мягкой и ласковой; и от нее становится хорошо, но не так, как сейчас, будто мамина рука стала вдруг большой-большой и касалась не только руки, а всего тела, и даже лица, которое в воде не купалось... А потом к Наве пришел сон.

* * *

Проснулась она другой.

Мир вокруг сделался совсем не страшным. Лес вокруг был теперь – не родной дом, где можно было выращивать горшки, кормить Молчуна и болтать о разных разностях, бесконечно, бессмысленно, увлеченно, будто двигаясь по замкнутому кругу. И не обиталище многочисленных врагов, от которых следовало прятаться – опасного мха, о котором Колченог говорил, что это и не мох вовсе; бородатых воров, вооруженных громадными суковатыми дубинами; ломконогих неуклюжих рукоедов; мертвяков, окрашенных в желтый, синий и прочие цвета радуги, какой тут никто никогда не видел, но о которой Нава отныне почему-то знала. Лес теперь был

не лес, а слуга, послушный, непривередливый и опытный, готовый выполнить любые указания новой хозяйки...

Нава приняла вертикальное положение, коснулась пальцами дна.

– Добро пожаловать! – сказала мама. Она уже не держала дочь за руку.

Вышли на берег бок о бок, как равные.

– Добро пожаловать! – сказала толстая, держа в руках желтое мешковатое одеяние. Впрочем, теперь она для Навы толстой не была, просто в чреве женщины зрела новая жизнь. – Меня зовут Аля... Поздравляю тебя, милая! – Это беременная сказала уже Навиной маме. – Во славу демиургу, для зачатой от козлика она сверстана весьма недурно.

* * *

Снова в Созидалище Нава оказалась через три года. В других-то озерах она купалась ежедневно, но в этом санитарно-гигиенических ванн не принимают.

За прошедшее время случилось многое. Каждодневная работа с Воспитательницами сменилась первыми попытками управлять. Из лилового тумана выходили полчища Навиных творений – лесных ос, рукоедов, гиппоцетов, волосатиков. Сперва они получались неказистыми и неработоспособными, их приходилось возвращать назад, обращать в исходную протоплазму и переконструировать. Воспитательница терпеливо ждала, советовала, подправляла. Постепенно дело пошло на лад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.